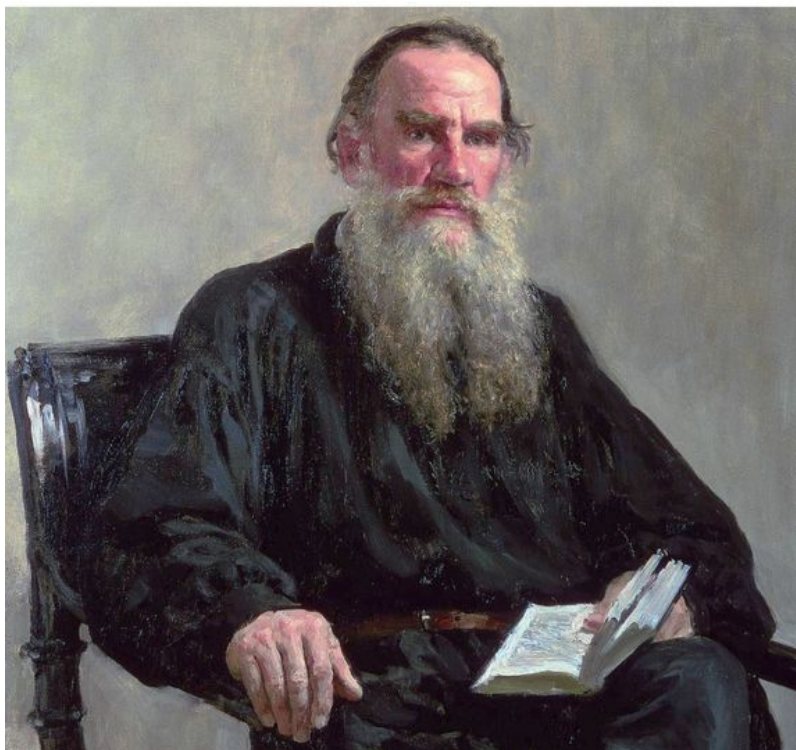

*Лев Толстой в зеркале
психологии*

Составитель Ирина Чередниченко

Коллектив авторов
Ирина Петровна Чередниченко
Лев Толстой в
зеркале психологии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913656

ISBN 978-5-4474-8566-5

Аннотация

Если не знаешь, как дойти до нужного тебе места – спроси у прохожего. Если не знаешь, как устроен мир – спроси у ученого. Если не знаешь, как жить – спроси у мудреца.

Книга, которую вы держите в руках, реалистическая и фантастическая одновременно. Она составлена из текстов великого писателя, но представляет собой диалог через века. Лев Толстой ответит на вопросы, которые многие люди в мире хотели бы ему задать: о человеке и его мире, о любви и смысле жизни.

Содержание

Беседа 1. Жизнь есть расширение пределов, в которых заключен человек	8
Беседа 2.	38
Беседа 3. Зло делается легко и незаметно	53
Беседа 4. Остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы	78
Беседа 5. Нельзя в одном месте поднять уровень пруда	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Лев Толстой в зеркале психологии Составитель Ирина Чередниченко

Составитель Ирина Петровна Чередниченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не думай никогда, что ты не любишь, или что тебя не любят. Это только нарушена чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между собой людей любовь – которая всегда есть».

Л. Н. Толстой

Сумерки. Таинственный час между днем и ночью.

Яркий экран компьютера раздражает глаза.

Через два дня сдавать статью в журнал, но текст рукописи мертв: похож на рассуждения патологоанатома о процессе жизни, в которых содержались все ее признаки, но она сама отсутствовала.

«Выстраивать психологическую систему из отдельных феноменов за Толстого – задача неблагодарная, да и, видимо, не нужная. Поэтому попытаемся...»

Нет, не то...

«...поэтому рассмотрим некоторые психологические и философские представления...»

Строки компьютерного текста подернулись дымкой. Нужно отдохнуть. Плотно закрыть глаза ладонями. Открыть. Опять закрыть. Опять открыть. Взгляд направо – налево – вверх – вниз. Опять направо – налево... Глянула в зеркало, висящее на стене справа от меня. А вот это почти галлюцинация – ОН улыбнулся.

«Он» – это Лев Николаевич Толстой, вернее, репродукция с его портрета, написанного художником Репиным. Она висит на стене слева от меня в современной металлической раме.

Нужно привести мысли в порядок. Глубокий вдох – такой же выдох.

Портрет улыбаться не может.

А, собственно, почему?

Толстой непостижим, наверное, даже для тех, кто им занимается профессионально.

Уговариваю себя не бояться и взглянуть еще раз. Немного скосить глаза влево и посмотреть в зеркало. Ничего страшного.

Ну, улыбнитесь еще, Лев Николаевич!

Господи, что же это такое приходит в голову!

Интересно, почему возникла такая иллюзия восприятия?

– А если не иллюзия? – раздался насмешливый голос.

Доигралась. Голоса слышатся.

Быстрый взгляд по сторонам. Никого.

– Ваша беда, сударыня, в том, что вы хотите жизнь избоб-

разить в одной плоскости. А она многомерна. Нужно не только видеть, но и слышать. Чувствовать, наконец. Слушайте сердце. Всякий, даже исторический, факт нужно объяснять человечески. А я – не письменна истории. Попробуйте поговорить со мной.

Это не Лев Толстой. Это – мое подсознание говорит в тишине. Главное – не сделать глупость и никому об этом не рассказать.

Не смотреть на портрет невозможно. Еще раз взгляну, чтобы убедиться в том, что ошиблась. Или сплю.

Точно! Я сплю! И мне все это снится!!!

Значит, можно общаться с великим писателем, не опасаясь психической патологии.

– Здравствуйте, Лев Николаевич!

Беседа 1. Жизнь есть расширение пределов, в которых заключен человек

– Здравствуйте, Лев Николаевич!

– Применительно ко мне вряд ли уместно такое приветствие. Но вам желаю здоровья.

– Лев Николаевич, я пишу книгу о вас и вашем творчестве.

– Прежде мне довольно было знать, что автор книги – женщина, чтобы не читать ее. Оттого что ничего не может быть смешнее взгляда женщины на жизнь мужчины, которую они берутся описывать.

– Вы считаете, что этого не стоит делать?

– А вы считаете, что напишите лучше тех, кто уже написал? Думаете, что вы умнее? Сейчас обо мне написано много, в том числе и много лишнего. Вы уверены, что ваше понимание интересно и нужно людям? Или вам просто хочется поставить свое имя рядом с моим?

– Я хочу понять. Помогите мне, пожалуйста!

– Хорошо.

– Лев Николаевич! Вы – один из самых загадочных писателей России. В своих произведениях вы старались отобразить правду жизни. Что такое жизнь с вашей точки зрения?

– Жизнь это Путь, движение, в рамках которого развивается человек. Причем, этот Путь имеет четко очерченные цели.

– Судя по всему, Путь очень труден.

– Двигаясь по Пути, человек прикладывает свои способности и потребности к окружающей действительности, а она налагает ответный отпечаток: образовывает его, воспитывает и контролирует. В разных ситуациях человек то активно пытается воздействовать на свою жизнь, то пассивно подчиняется внешним ее требованиям.

Движение жизни не протекает гладко, а сопряжено с преодолением острейших противоречий. Человеку, пошедшему по Пути, предстоит часто делать выбор.

– А если он не может выбрать?

– Бывают положения, когда весы божеского и дьявольского становятся ровно и колеблются. И тут совершается величайшее дело божие – и всякое вмешательство чужое страшно опасно и мучительно. Как бы сказать, – человек делает страшные усилия перетянуть тяжесть, и прикосновение пальцем может сломать ему спину.

– Но человек, как правило, действует в соответствии со своими представлениями и принципами.

– Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях. Один человек не может эти принципы придумать. Но действует он то са-

мостоятельно, то под влиянием других людей.

– То есть, человек осмысливает свою жизнь либо как направленную к выполнению своей части задачи всего человечества, либо как направленную к себе, к решению своих индивидуальных проблем?

– Жизнь вообще есть расширение пределов, в которых заключен человек. Пределы эти представляются человеку материей в пространстве и отделяют его от других существ. Человек по аналогии с собой узнает в других существах эти пределы. Там, где он их не узнает, он называет эти пределы неорганической материей, то есть признает, что он не видит, не познает то существо, которое граничит с ним. Так граничит с ним земля, воздух, светила. Расширение этих-то пределов, которые мы не можем себе представить иначе, как движением, и составляет то, что мы называем жизнью. Такую жизнь мы сознаем в себе, такую видим во всех существах, которых мы не можем обнять, и которые мы видим только их мертвой стороной. Только здесь закон сохранения энергии получает объяснение, ведь там, где нет жизни, не может быть никакого усиления движения.

– Движение жизни отдельного человека включено в движение Вселенной?

– Тела наши составляют частицы того большого круга, который совершает Земля, Солнце, которые также рождаются, стареют и умирают. Все, что мы видим, знаем, подлежит закону жизни – рождения и смерти. В микроскопических те-

лах этого не видно потому, что процесс совершается очень скоро, а в макроскопических – потому что этот процесс для нас слишком медленен.

– Вы писали о двух видах жизни человека: личностной и разумной.

– Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. Жизнь наша связана с жизнью других людей и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем. Жизнь – тем более жизнь, чем теснее ее связь с жизнью других, с общей жизнью.

– Личность и индивидуальность в этом случае одно и то же?

– В этом случае – да. Но не смешивайте личность с разумным сознанием. Разумное сознание включает в себя личность, однако личность не может включить в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека как животного. Разумное сознание есть свойство только человека.

– На что направлены личностная и разумная жизни?

– Жизнь личностная направлена, прежде всего, на индивидуальное выживание и стремление приспособиться к обществу, занять соответствующее место в его структуре.

Для этого нужно выполнять определенные социальные роли в соответствии с ожиданиями того круга, в котором

вращается человек. Причем, играя роль, человек может полагать, что его поступки диктуются его волей, а не ролью.

Ярким примером может быть сцена суда в романе «Воскресение»: «Прокурор этот только что четвертый раз обвинял. Он был очень честолюбив и твердо решил сделать карьеру и потому считал необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять»¹.

– То есть, в рамках личной жизни человек преследует свои цели?

– В конечном счете, это работа на себя, даже если выглядит как полное самоотречение. Такая личность подвержена страстям, порождающимся возрастающими индивидуальными потребностями, особенно если человек богат, что позволяет ему вести паразитический образ жизни.

– Именно эта проблема была главной в воспитании ваших детей?

– Праздный человек не спасет свою душу, ибо она совершенствуется только в процессе труда на общую пользу. Я не хотел, чтобы материальная обеспеченность погубила детей, но хотел поставить их в такие условия, которые бы дали внешний толчок к самосовершенствованию.

– Почему невозможно благо в рамках личного существо-

¹ Курсивом выделены цитаты из произведений Толстого и некоторые размышления составителя.

вания?

– Во-первых, потому что появляется борьба ищущих личного блага существ между собой; во-вторых, возникает обман наслаждения, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям, и, в-третьих, смерть. А я желал детям счастья.

– С чего начинается разумная жизнь?

– С самоотречения во имя Бога. Человек подчиняет свою жизнь воле Бога, понимая, что только эта высшая воля может объединить человечество.

– Зачем?

– Затем, что человечество – это не совокупность отдельных личностей, а целостность, развивающаяся по своим законам и движущаяся в соответствии с определенной целью. Если человек находит в себе силы изменить свое мировосприятие настолько, чтобы хотя бы не мешать этому движению, а в идеале – полностью ему подчиниться, то он живет жизнью не личностной, а разумной.

– Вы связываете понятие личности с понятием «личина» – маска?

– Личность – это то, что связано с человеком только поверхностно.

Пьер Безухов, когда находился в особо тяжелых для его духа условиях, вспомнил старичка учителя. Ему представилось, что учитель показывает глобус — «живой, колеблю-

щийся шар, не имеющий размеров». Вся его поверхность состояла из капель. «Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

— Вот жизнь, — сказал старичок учитель.

«Как это просто и ясно, — подумал Пьер. — Как я мог не знать этого прежде».

— Когда человек начинает жить разумной жизнью?

— В первой половине своей жизни человек большое внимание уделяет жизни плотской, но с возрастом в нем растет осознание своей миссии в этой жизни (по крайней мере, должно расти). По мере угасания жизнедеятельности тела идет постепенное возрастание деятельности духа. Как только человек достигает своего «потолка» в духовном развитии, наступает духовная смерть, которая может прийти даже при жизни человека, не осознаваясь им. Но иногда при осознании смерти наступает просветление, и тогда человек анализирует прожитые годы и успевает раскаяться о пусто прожитой жизни. Это раскаяние приближает его к Богу, и рост духовности в последние дни или даже минуты жизни идет очень интенсивно, частично спасая душу человека.

— Как может проявляться подобное изменение? Что человек чувствует в кризисный период?

— Один человек придумывает себе предлоги, чтобы спе-

шить, не попевать, делать торопливо, он весь суета. Другой видит повод для злобы. Третий во всем ищет повод для своего возвеличивания. Четвертый – для печали, а пятый – для любви. Люди создают себе иллюзию жизни, в то время как важны духовные свойства.

К подобным иллюзиям относятся представления о судьбе: «И какая удивительная случайность! Ведь надо же, чтобы это дело пришлось именно на мою сессию, чтобы я, нигде не встречая ее десять лет, встретил ее здесь, на скамье подсудимых! И чем все это кончится? Поскорей, ах, поскорей бы!»

Он все не покорялся тому чувству раскаяния, которое начинало говорить в нем. Ему представлялось это случайностью, которая пройдет и не нарушит его жизни. Он чувствовал себя в положении того щенка, который дурно вел себя в комнатах и которого хозяин, взяв за шиворот, тычет носом в ту гадость, которую он сделал. Щенок визжит, тянется назад, чтобы уйти как можно дальше от последствий своего дела и забыть о них; но неумолимый хозяин не отпускает его. Так и Нехлюдов чувствовал уже всю гадость того, что он наделал, чувствовал и могущественную руку хозяина, но он все еще не понимал значения того, что он сделал, не признавал самого хозяина. Ему все хотелось не верить в то, что то, что было перед ним, было его дело. Но неумолимая невидимая рука держала его, и он предчув-

ствовал уже, что он не отвертится».

– Значит, жизнь мира совершается по воле Бога? Что же здесь зависит от отдельного человека?

– Он должен пытаться понять смысл этой воли, для чего надо, прежде всего, исполнять ее – делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму того, чего хотят от меня, а уж тем менее – чего хотят от всех нас и от всего мира.

«Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и, к удивлению, замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью».

– Процесс жизни уподобляется завязыванию узлов, которые нужно постоянно развязывать. Что же побуждает человека делать это?

– Есть три двигателя жизни человеческой: а) чувство, вытекающее из общения с другими существами; б) подражание, внушение, гипноз, и в) вывод разума. На миллион поступков, совершающихся вследствие первых двух двигателей, едва ли один совершается на основании выводов разума. Распределение это происходит и в каждом человеке, но в различных долях.

– Как человеку подготовиться к реализации смысла его жизни?

– Чтобы соответствовать замыслу божию и выполнять его задачи, необходимо выработать в себе два чувства: самоунижения и смирения. Основной недостаток воспитания в роскоши – в развитии гордыни. Противоположные чувства более развиты у простых людей. Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство божие.

– У кого же можно научиться смирению?

– У простого народа. Вся жизнь этих людей проходит в тяжелом труде, но они менее недовольны жизнью, чем богатые. Я полюбил этих людей. Чем больше я вникал в их жизнь живых людей и жизнь таких же умерших людей, про которых читал и слышал, тем больше я любил их, и тем легче мне самому становилось жить. Я жил так года два, и со мной случился переворот, который давно готовился во мне, и за-

датки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство – все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысл в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его.

– Что нужно делать каждому человеку?

– Прежде всего, не лгать перед собой, как бы ни далек был путь жизни человека от истинного пути, открытого разумом. Нужно отречься от осознания своей правоты, своих преимуществ, особенностей перед другими людьми и признать себя виноватым. Но главное – исполнять тот вечный, несомненный закон человека – трудом всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться с природой для поддержания жизни своей и других людей.

– Однако люди далеко не всегда следуют этим советам. Чаще они предпочитают не совсем адекватные способы ориентироваться в жизни.

– Для людей моего круга было четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находились. Первый – выход неведения, который состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Второй – выход эпикурейства, состоящий в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться теми благами, ка-

кие есть. Третий – выход силы и энергии, который состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Четвертый – выход слабости, который состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная наперед, что ничего из нее выйти не может.

– А в каком разряде находились вы?

– В четвертом.

– Где же настоящий выход?

– Выход из сложившегося состояния достаточно прост: спрашивать надо, не зачем я живу, а что мне делать. Я старался не смешивать процесс и результат. Главное правило для жизни – это натягивать ровно с обоих концов постромку совершенствования – и мысленного, и жизненного, чтоб одно не отставало от другого и не перегоняло. А то получается, что у нас идеалы высокие, но жизнь подлая, а у народа жизнь высокая, но идеалы подлые.

– Идеалы тоже могут быть подлинными и мнимыми.

– То учение Христа, которое я исповедовал, дает направление, указывает Путь жизни, тот путь, по которому людям легко и радостно идти. Всякое отклонение от него наказывается страданиями. Мнимые идеалы – приобретение богатства, например, – могут быть легко разрушены. Подлинный же идеал неразрушим, потому что находится вне нашей индивидуальной жизни. Несчастье всех нас то, что мы забываем, что жизнь для себя, для своего счастья есть погибель.

– Есть ли в сознании человека механизм, который способствует реализации основного, общечеловеческого, смысла жизни?

– Этот механизм – совесть. Совесть и есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим.

– В какой форме совершается движение жизни?

– Человечество, не переставая, движется от низшего, более частного и менее ясного к высшему, более общему и более ясному пониманию жизни. Но это движение может быть упорядоченным только в определенной форме – религиозной. Отсутствие этого основного направления порождает хаос.

– Как во всяком движении, кто-то идет впереди, кто-то отстает. Кто может быть лидером в этом движении?

– Есть люди, яснее других понимающие смысл жизни. Из всех этих передовых людей всегда один более ярко, доступно, сильно – словом и жизнью – выражает смысл жизни. Выражение этим человеком смысла жизни вместе с теми преданиями и обрядами, которые складываются обыкновенно вокруг памяти этого человека, и называются религией. Религии суть указатели того высшего, *доступного в данное время и в данном обществе* лучшим передовым людям, *понимания жизни*, к которому неизбежно и неизменно приближаются все остальные люди этого общества. И поэтому только религии всегда служили и служат основанием оценки чувств людей.

– Каков основной нравственный критерий, заложенный в христианстве?

– Отношение к нищете и страданиям людским. Делать добро людям – это не только поддерживать их жизнь, давая деньги. Чтобы делать добро, не деньги нужны, а нужна, прежде всего, способность хоть на время отречься от условностей нашей жизни. Нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клопов и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы. Нужно быть в состоянии сесть на койку к оборванцу и разговориться с ним по душе так, чтобы он чувствовал, что говорящий с ним уважает и любит его, а не ломается, любуясь на самого себя. Нужно приобщение к их проблемам, как к своим собственным. А это возможно, только когда человек находит смысл жизни вне себя.

– Вы – оптимист или пессимист?

– Я терпеть не могу пессимистов. Если мир так уж не нравится, то нужно его покинуть и не мешать жить другим. Сколько есть людей, всем не довольных, все осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем живете, чтобы понять нелепость жизни, осудить ее, посердиться и умереть? Не может этого быть. Подумайте. Не сердиться вам надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите. Истоки пессимизма в излишней рассудочности, и если допустить, что жизнь человеческая будет начинаться только разуму, то уничтожится сама ее возможность.

– Люди живут и разумом, и эмоциями, которые тесно связаны с потребностями и возможностями их удовлетворения. Каково, вашей точки зрения, влияние потребностей на развитие личности?

– Человек, живя, желает для себя блага. Однако скоро он замечает, что удовлетворение этой потребности зависит от других людей, которые не спешат делать это, а напротив, всячески этому препятствуют. Человек хочет все больше, но желания и их удовлетворение приносят мимолетные наслаждения, сменяемые страданиями. Он хочет жить, а жизнь уходит из него. Он уйдет из жизни, а другие останутся.

– Обидно.

– Несмотря на то, что жизнь едина и бесконечна, жизнь отдельного человека, или, вернее, действительность, в которой он существует, оказывается обманчивой и невозможной. Это внутреннее противоречие осознавалось человечеством с древнейших времен, а выражалось в страданиях отдельных людей.

– И этого страдания избежать нельзя?

– Можно. Но лишь при том условии, что люди перестанут стремиться к личному благу. Для этого необходимо особое внутреннее состояние, которое называют любовью. Настоящей любовью, которая подразумевает проявление деятельности личности, подчиненной разумному сознанию. Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание

твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя.

– Почему же люди ведут себя не так, а иначе?

– Потому что жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели. Но каждый человек постоянно сталкивается с выбором, как именно поступить, и чем руководствоваться в своем выборе. У него не всегда есть время хорошенько обдумать свои поступки, и не всегда есть точные сведения, на основе которых он должен сделать этот выбор.

– Как же этот выбор все-таки делается, чем он определяется?

– Человек обычно подчиняется не рассуждению, а тому внешнему руководству жизни, которое всегда существовало и существует в каждом обществе. Руководство это не имеет никакого разумного объяснения, однако движет большинством поступков. Его можно назвать *привычкой жизни*. Руководство это не может быть определенно выражено, потому что слагается оно из самых разнообразных, по времени и месту, дел и поступков. Это – свечки на дощечках родителей для китайцев; это – паломничество к известным местам для магометанина; это – верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это – известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это – визиты, известное убранство жилищ, известные празднования похо-

рон, родин, свадеб. Это – бесчисленное количество дел и поступков, наполняющих нашу жизнь. Это – то, что мы называем приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом.

– Откуда берутся привычки жизни?

– Они вырабатывается поколениями, когда создаются программы воображаемых лучших жизней. Люди одни перед другими стараются как можно лучше поддержать ту счастливую жизнь, которую они наследовали от устройства родителей, или сделать себе новую, еще более счастливую жизнь. Родители закладывают эти программы в своих детей с самого раннего возраста с помощью воспитания, а дети подражают им и заражаются их чувствами. Кроме того, в каждом обществе есть представление *comme il faut* – как нужно. Вот этому-то руководству и подчиняется большинство людей.

– Но значительная часть этих привычек социально оправдана?

– Везде, вокруг себя, с детства человек видит людей, с полной уверенностью и внешней торжественностью исполняющих какие-либо дела – ритуалы. Не имея никакого разумного объяснения своей жизни, человек не только начинает делать такие же дела, но этим делам старается приписать разумный смысл. Человеку хочется верить, что люди, делающие эти дела, имеют объяснение того, для чего и почему они делают то, что делают. И он начинает убеждать себя, что

дела эти имеют разумный смысл и что объяснение их смысла если и не вполне известно ему, то известно другим людям.

– А другие, в свою очередь, корректируют его поведение?

– Большинство других людей, не имея также разумного объяснения жизни, находятся совершенно в том же положении, как и он. Они делают эти дела только потому, что им кажется, что еще кто-то, имея объяснение этих дел, требует их выполнения. И так, невольно обманывая друг друга, люди все больше и больше не только привыкают делать дела, не имеющие разумного объяснения, но привыкают приписывать этим делам какой-то таинственный, непонятный для них самих смысл. Люди живут, стараясь уверить себя, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие – те самые, которые точно так же мало знают это.

– Может быть, им просто страшно сознавать свою смертность? Как люди пытаются защититься от мысли о смерти?

– Чтобы скрыть от себя приближение смерти, люди увеличивают наслаждения. Но это увеличение не беспредельно. Наслаждения переходят в страдания, а ужас перед смертью увеличивается. Человек ищет другие наслаждения и увеличивает их интенсивность. Потом он начинает искать наслаждение в забвении, в котором тоже доходит до известного предела. И получается ложный круг: одно – причина другого, и одно усиливает другое. Но самое страшное то, что наслаждения подобного рода не могут быть равномерно распределены между людьми. Если кто-то усиливает их, то в другом

месте, у другого человека эти наслаждения отнимаются. Так что, чем сильнее, напряженнее деятельность для достижения наслаждений, тем невозможнее становится единственно доступное человеку благо – любовь.

– То есть, любовь есть цель нашей жизни?

– Любовь – не цель, а состояние. А вот вопрос «зачем жить?» – очень важный. Если нет цели никакой, если жизнь для жизни нам дана, то незачем жить. И если так, то Шопенгауэры и Гартманы, да и все буддисты совершенно правы. Ну, а если есть цель жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигается цель. Вы заметьте: если цель человечества – благо, добро, любовь, как хотите; если цель человечества есть то, что сказано в пророчествах, что все люди соединятся воедино любовью, что раскуют копья на серпы и так далее, то ведь достижению этой цели мешает что? Мешают страсти. Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится. Люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить. Пока же человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствиями половой страсти, а идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотою.

– Но ведь именно к любви стремились и стремятся люди.

– Да. И посмотрите, что выходит. Выходит, что плотская любовь – это спасительный клапан. Если не достигло теперь живущее поколение человечества цели, то не достигло оно только потому, что в нем есть страсти, и сильнейшая из них – половая. А если есть половая страсть и есть новое поколение, стало быть, и есть возможность достижения цели в следующем поколении. Не достигло и то, опять следующее, и так до тех пор, пока не соединятся люди воедино.

– Значит, если бы люди были вечными, то страсть не была бы нужна?

– Если допустить, что Бог сотворил людей для достижения известной цели, то сотворил бы их или смертными, без половой страсти, или вечными. Если бы они были смертны, но без половой страсти, то вышло бы что? То, что они пожили бы и, не достигнув цели, умерли бы. А чтобы достигнуть цели, Богу надо было бы сотворять новых людей. Если бы они были вечны, то положим, они бы достигли после многих тысяч лет цели, но тогда зачем же они? Куда ж их деть? Именно так, как есть, лучше всего.

– В процессе эволюции люди, как вид, не совершенствуются?

– Высшая порода животных – людская. Для того чтобы удержаться в борьбе с другими животными, она должна сомкнуться воедино, как рой пчел, а не бесконечно плодиться. Она должна так же, как пчелы, воспитывать бесполок, то есть опять должна стремиться к воздержанию, а никак

не к разжиганию похоти, к чему направлен весь строй нашей жизни.

– Но тогда род человеческий прекратит существование?

– Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что и по учению нравственному выходит то же самое?

– Значит, жизнь – несовершенная структура, которая стремится к совершенству? И когда она замкнется на самой себе, то самоуничтожится. Либо разрушится, либо перейдет в другое качество. Что ожидает человечество?

– Я ратую за плюс.

– Что же тогда движение жизни?

– Энергия, которую можно рассматривать как движение, есть нечто действительное, а не кажущееся. Это не только средство представления моего единства со всем миром. И потому положение о том, что движение есть только то, что соединяет человека со всем миром, – неверно. *Движение есть сама жизнь.*

– Сознание сопровождает движение жизни?

– В противовес процессу жизни, сознание – статичное явление. Сознание стоит, события жизни движутся через него, а нам кажется, что движется сознание, как облака, бегущие мимо луны.

– Почему человек не может себе представить подобное?

– Потому что для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений.

– Что нужно для того, чтобы достаточно адекватно судить о законах движения?

– Необходимо допустить бесконечно малую единицу для наблюдения – «дифференциал истории», а также достичь искусства интегрировать, то есть брать сумму этих бесконечно малых единиц. Историческая наука постоянно принимает все меньшие и меньшие единицы для рассмотрения и этим путем старается приблизиться к истине. Но, как ни мелки эти единицы, каждая из них имеет *начало*, а его выделить практически невозможно. Например, главнокомандующий никогда не бывает в тех условиях *начала* какого-нибудь события, в которых всегда рассматривается событие. Главнокомандующий всегда находится в *середине* движущегося ряда событий. Никогда, ни в какую минуту, он не бывает в состоянии обдумать все значение совершающегося события. Событие незаметно, мгновение за мгновением, вырезается в свое значение. В каждый момент этого последовательного, непрерывного проявления события главнокомандующий на-

ходится в центре сложнейшей игры, интриг, забот, зависимости, власти, проектов, советов, угроз, обманов. Он находится постоянно в необходимости отвечать на бесчисленное количество вопросов, зачастую противоречащих друг другу.

– Чем же определяется ценность человеческой жизни?

– Жизнь обнаруживается во времени и пространстве, но определяется не временными и пространственными условиями, а только степенью подчинения животной личности разуму. Определять жизнь временными и пространственными условиями, – это все равно, что определять высоту предмета его длиной и шириной.

– Но ведь именно условия жизни и есть видимый критерий прогресса.

– Прогресс! Сколько бы ни уверяли людей суеверия религиозные и научные о таком будущем золотом веке, в котором всего будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его временного и пространственного существования есть борьба против каждого, каждого против каждого и против всех. Именно это порождает неудобство и страх.

– Как его преодолеть?

– Когда человек начинает жить истинной жизнью, то есть поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, он видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями. Не признавая, что этот подъем в высоту и есть

сама жизнь, он ужасается перед тем, что увидел с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его на высоту, и идти по открывшемуся ему направлению, он ужасается и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле.

– И так – бесконечное число раз?

– Это продолжается до тех пор, пока он не признает, наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости – его пространственное и временное существование – не есть его жизнь. Жизнь его только в движении в высоту. Только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной. Если бы не было этих крыльев, он никогда не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

– Вероятно, для этого нужно определиться: что же такое «Я»?

– Это тоже непросто. Ведь мое сознание говорит мне только: я есмь. Я есмь с тем моим отношением к миру, в котором я нахожусь теперь. О своем рождении, о своем детстве, о многих периодах юности, о средних годах, даже об очень недавнем времени человек часто ничего не помнит.

– Человек в своем определении «Я» манипулирует двумя категориями: «Я-постоянное» и «Я-меняющееся». Все это находится в одном месте – в человеческом теле. Что же тогда «действительное Я»?

– Тело мое одно только потому, что есть что-то неведущее, которое признает переменяющееся тело одним и своим. Это то, что мы называем *сознанием*: оно одно держит все тело вместе и признает его одним и своим. Но и это не все. Сознание тоже различно. Как нет ничего общего в веществе моего тела, каким оно было десять лет назад и теперешним, как не было одного тела, так и не было во мне одного сознания. Мое сознание трехлетним ребенком и теперешнее сознание так же различны, как и вещество моего тела теперь и тридцать лет тому назад. Сознания нет одного, а есть ряд последовательных сознаний, которые можно дробить до бесконечности.

– Что же связывает в одно целое все последовательные во времени сознания?

– Отношение к миру. Именно оно, внепространственное и вневременное, исключительное отношение к миру, – есть настоящее и действительное «Я». Наше особенное отношение к миру установилось не в этой жизни, и началось не с этим телом, и не с рядом последовательных во времени сознаний. Оно уже существовало до нашего рождения. Это отношение, в свою очередь, тоже развивается, и развивается в трех основных плоскостях: отношение разумного сознания

человека к миру; отношение его животного сознания к миру; отношение его тела к миру.

– Что же определяет окончание плотского существования человека и начало его перехода в новое качество?

– Нам кажется, что человек умирает, когда этого ему не нужно, но это не так. Умирает человек только тогда, когда это необходимо для его блага, точно так же, как растет, мужает человек только тогда, когда ему это нужно для его блага. Человек умирает только оттого, что в этом мире благо его истинной жизни не может уже увеличиваться, а не оттого, что у него болят легкие, или у него рак, или в него выстрелили или бросили бомбу.

– И тогда он перестает беречь себя?

– Если мы живем, то это происходит вовсе не оттого, что мы бережем себя, а оттого, что в нас совершается дело жизни, подчиняющее себе все эти условия. Мы живы не потому, что бережем себя, а потому, что делаем дело жизни. Кончается дело жизни, и ничто уже не может остановить непрестающую гибель человеческой животной жизни.

– Значит, чтобы сохранить свою жизнь, нужно отречься от животной ее составляющей?

– Да, для блага моей истинной жизни мне нужнее всего знать то, чему я должен подчинить *здесь и теперь* свою животную личность. И разум открывает мне в этой жизни тот единственный путь, на котором я не вижу прекращение этого блага.

– Тогда изменяется отношение к страданиям?

– Люди в глубине души знают, что всякие страдания нужны, необходимы для блага их жизни. Страдание есть болезненное ощущение, вызывающее деятельность, устраняющую его и вызывающую состояние наслаждения.

– Как страдание может являться источником активности личности, и почему оно способствует развитию человека?

– Существует разница в страданиях животного и человека. Если животное страдает в настоящем, то деятельность для прекращения страдания, направленная на самого себя в настоящем, вполне удовлетворяет его. Человек же страдает не в одном настоящем, но страдает и в прошедшем, и в будущем.

Поэтому деятельность, вызываемая страданиями человека, если она направлена только на настоящее человека, не может удовлетворить его. Только деятельность, направленная и на причину, и на последствия страдания, и на прошедшее, и на будущее, удовлетворяет страдающего человека. В этом случае у человека два выбора: или считать страдания бессмысленными, а потому усиливать их, или, считая себя частью человечества, отстрадать и за себя и за других, и таким образом приблизиться к высотам разумной жизни. Вследствие этого, страдания лишаются своей моральной мучительности, так как поддерживаются любовью.

«Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только

часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою — любить их. Уничтожить же жизнь в других существах не в твоей власти. Жизнь убитых тобой существ исчезла из твоих глаз, но не уничтожилась. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Для жизни нет ни времени, ни места. Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, и жизнь твоя и жизни всех видимых и невидимых существ мира равны. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она одна только и есть. Все остальное нам только кажется».

– Получается, что человек призван преодолеть свои телесные потребности?

– В нас две природы – духовная и плотская. Есть люди, живущие одной плотью и не понимающие того, как можно свой центр тяжести переносить в духовную жизнь, чтобы вся деятельность руководилась духовными целями. Есть люди, живущие плотью и понимающие – только понимающие – духовную жизнь. Есть люди счастливые – наш народ и еще буддисты, которые до пятидесяти лет живут полной плотской жизнью и потом вдруг переступают на другую ногу, духов-

ную, и стоят на ней. Есть еще более счастливые, для которых творить волю отца – это истинный хлеб и истинное питье, и которые смолоду стали на ногу духовную. Но есть и такие несчастные, как мы с вами, у которых центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять.

– Разве легко отделить духовное от плотского?

– Все в этом мире перепутано. Все плотское так одето в духовный наряд, все духовное так облеплено плотским, что трудно разобрать. Да что же хорошо, что дурно? В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл жизни тот, который он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит.

– В повседневной жизни много хлопот. Разве легко постоянно контролировать свое поведение в соответствии и заповедями Бога?

– Многие люди озабочены только призраками, отражениями, а не самой жизнью в ее подлинной сути. Верьте, переносите центр тяжести в мир духовный, чтобы все цели вашей жизни, все желания выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела божии, исполняйте волю отца, и тогда вы увидите свет и поймете. Мужик верит так, как верили и верят величайшие мудрецы, до которых он может подняться, отцы и святители, то есть верит в самое высшее, что еле-еле может понять. Мужик может, а мы не можем.

– Что есть религия?

– Под религией мы с вами понимаем различные сущности: вы понимаете общее миросозерцание, согретое чувствами, я – выражение простых непререкаемых нравственных истин, которые неизбежно изменяют жизнь, – как, например, истины единобрачия или непротивления злу.

Беседа 2.

Не волна, а вечное движение

– Смысл жизни является внешней целью?

– Он определяется верой. Я верю в учение Христа, и вот в чем моя вера. Я верю, что благо мое возможно на земле только тогда, когда все люди будут исполнять учение Христа. Я верю, что исполнение этого учения возможно легко и радостно.

– Но сделать это чрезвычайно трудно, если нет четкого понимания последствий своих поступков?

– Несчастное, жалкое создание человек со своей потребностью положительных решений, брошенный в этот вечно движущийся, бесконечный океан добра и зла, фактов, соображений и противоречий! Веками бьются и трудятся люди, чтобы отодвинуть к одной стороне благо, к другой неблаго. Проходят века, и где бы, что бы ни прикинул беспристрастный ум на весы доброго и злого, весы не колеблются. На каждой стороне столько же блага, сколько и неблаго.

– Что есть «благо» и «неблаго»?

– Если бы только человек выучился не судить и не мыслить резко и положительно и не давать ответы на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вечно оставались вопросами! Если бы только он понял, что всякая мысль и ложь

на, и справедлива! Ложна односторонностью, по невозможности человека обнять всей истины, и справедлива по выражению одной стороны человеческих стремлений.

Люди сделали себе подразделения в этом вечном движущемся, бесконечном, бесконечно-перемешанном хаосе добра и зла, провели воображаемые черты по этому морю и ждут, что море так и разделится. Точно нет миллионов других подразделений совсем другой точки зрения, в другой плоскости! Правда, вырабатываются эти новые подразделения веками, но и веков прошли и пройдут миллионы.

«Цивилизация – благо; варварство – зло; свобода – благо; неволя – зло». Вот это-то воображаемое знание и уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой природе.

– Кто определит – что свобода, что деспотизм, что цивилизация, что варварство? И где границы одного и другого? И кто видел такое состояние, в котором бы не было добра и зла вместе?

– Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, Всемирный Дух, проникающий в нас всех вместе и в каждого. Тот самый дух, который в дереве велит расти к солнцу, в цветке велит бросить себя к осени и в нас велит бессознательно жаться друг к другу. И этот-то один непогрешимый блаженный голос заглушает шумное, торопливое развитие цивилизации.

– Каждый человек движется в совершенно определенном

направлении и отличается индивидуальным стилем жизни, который придает неповторимость человеческой личности. Волен ли он выбирать этот путь?

– Не совсем. У развивающегося, или просто достаточно быстро продвигающегося по социальной лестнице человека, очень мало знакомых равнодушных. Как правило, сфера знакомств разделяется на два противоположных лагеря. У того, кто быстро идет вперед по избранной дороге, имеются враги и страстные поклонники. Многое зависит от их точки зрения.

– И какая же точка зрения правильная?

– Стиль жизни определяется, прежде всего, отношением любой человеческой судьбы к общей истории народов. Важно понять суть этих отношений и их связь с пониманием жизни. Я серьезно интересовался декабристами. Они представлялись мне людьми обнаженной, предельно чуткой совести. Именно веления совести, нравственный поиск вели их одновременно и к социальному протесту, и к потребности личного совершенствования, и к стремлению к общественному благу.

– Поиск – очень сложный процесс, зависящий от многих факторов. Может ли он привести к единому для всех результату?

– Он всегда единый, но проявляться может по-разному. Например, описывая войну, я старался описать поведение человека, а не результаты того или иного сражения. Меня

интересовало, что чувствует и как ведет он себя и в бою, и в моменты мирной передышки. Но ничьи поступки не являются единичными, человек всегда опутан сложной сетью связей, формальных и неформальных, реальных и воображаемых. Например, надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора.

– Как соотносятся социальные связи и связь с Богом?

– Связь с обществом противопоставляется связи с Богом. Общество побеждает количеством, Бог – внутренней силой.

– Человек – не отдельная единица в толпе, а звено системы. Для того чтобы система была жизнеспособной, она должна быть сбалансирована. Ваших героев можно разместить на четырех уровнях уравнивания: индивидуальном (Платон Каратаев), групповом (Анна Каренина – Алексей Вронский), общественном (Наполеон Бонапарт) и экзистенциальном (Бог). Все ли люди включены в систему взаимовлияний?

– Все. Иногда подобному уравниванию способствуют общественные катаклизмы, локальные войны и т. п. Например, выжить после самоубийства Анны Карениной Вронскому помогли военные действия на Балканском полуострове, куда он отправился защищать интересы славян.

Толстой говорил и о политическом равновесии: «Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о по-

литическом равновесии, и аббат, видимо, заинтересованный простодушной горячностью молодого человека, развивал перед ним свою любимую идею.

— Средство — европейское равновесие и *droit des gens*², — говорил аббат. — Стоит одному могущественному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего целью равновесие Европы, — и оно спасет мир!

— Как же вы найдете такое равновесие? — начал было Пьер, но в это время подошла Анна Павловна и, строго взглянув на Пьера, спросила итальянца о том, как он переносит здешний климат».

Через некоторое время Пьер поделился с князем Андреем пришедшей к нему мыслью: «По-моему, вечный мир возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновесием».

— Если я правильно поняла, ни одно действие какого-либо лица не остается без реакции кого-либо из взаимодействующих с ним индивидов или групп. То есть одни люди заставляют других действовать, и сами подвергаются такому же давлению?

— Нужно различать уравнивание и насилие. Насилие — это совершение вынужденных поступков. Но если человек стремится исполнять открытую им в любви волю Бога,

² Народное право (франц.).

то нет насилия, а есть уравнивание.

– Значит, противоречий между человеком, уравновешенным на индивидуальном уровне и на экзистенциальном уровне, нет? Или человек в первом случае действует бессознательно, а во втором – осознанно?

– Редко кто может сознательно выбирать свой путь. Кажется, что он скован условиями существования. На самом деле эти условия не принципиальны, они лишь в малой степени могут определять движение жизни. Другое дело – воспитание и влияние общества. Человек, живя в обществе, старается следовать общественным нормам, даже если они не вполне соответствуют истинному его призванию.

Василий Позднышев рассказывал своему попутчику: «Жил я до женитьбы, как живут все, то есть в нашем кругу. Я помещик и кандидат университета и был предводителем. Жил до женитьбы, как все живут, то есть развратно, и, как все люди нашего круга, живя развратно, был уверен, что живу, как надо. Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек».

– Жизнь отдельного человека неотрывна от социальной среды (исключение – отшельники – только подтверждают правило). И на индивидуальную жизнь наслаиваются, в нее активно внедряются другие жизни, со своими проблемами. Разве в системе норм человека нет места сомнениям?

– Человек не может быть односторонне плохим или хорошим. Все люди – пегие.

– Понятия «общество» и «человечество» идентичны?

– Общество входит в человечество, но для того, чтобы этот вход был эффективным, необходимо перейти от общественных норм к общечеловеческим. А они не только не всегда совпадают, но и часто противоречат друг другу.

Каждый из героев Толстого решал эту проблему по-своему, и из этого возникала его индивидуальная жизненная драма. «В первую минуту я не узнал его, но как только он заговорил, я тотчас же вспомнил работящего, хорошего мужика, который, как часто бывает, как бы на подбор, подпадал под одно несчастье после другого: то лошадей двух увели, то сгорел, то жена померла».

– Известно, что природа не терпит насилия над собой. Она стремится поправить движение объекта в положительную или отрицательную сторону?

– Скажем так: не стремится способствовать. Например, моя дружба с Дмитрием Дьяковым открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения. Сущность этого взгляда состояла в убеждении, что назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно. Я наслаждался открытием новых мыслей, вытекающих из это-

го убеждения, и составлением блестящих планов нравственной, деятельной будущности. Но жизнь моя шла все тем же мелочным, запутанным и праздным порядком.

– Может быть, поправки эти имеют кратковременный характер?

– Безусловно. Но они влияют на человека. Затем он может вновь измениться, и опять происходит нечто, что возвращает его к исходным позициям, но уже на другом уровне. Иногда это воздействие бывает настолько сильным, что человек, не выдержав нагрузки, погибает, как это произошло с Анной Карениной.

– Можно сказать, что человеческая жизнь – это колебание человека от решения личностных проблем до осознанного участия в развитии общества, которое происходит на фоне его физиологических, психологических и социальных изменений?

– Это колебание идет по синусоиде, когда на первый план выступает то целостность личности и ее индивидуальные проблемы, то отречение от единичных проблем во имя решения общественных. На самом деле жизнь человеческая человеку не принадлежит, а проявляется через него. Индивидуальную жизнь нельзя выделить из жизни общей. Например, Пьер Безухов из романа «Война и мир» вспоминает о глобусе и каплях на нем как модели человеческой жизни. Одни капли-люди расширяются, а другие сжимаются, но вместе они составляют единое целое, не смешиваясь.

Позднее об этом писал Пьер Тейяр де Шарден: «Как порошок, крупинки которого, как бы их ни сжимали, не вступают в молекулярный контакт, люди всем своим существом, изо всех сил отстраняют и отталкивают друг друга».

– И оно, это целое, бессмертно?

– Человек поверит в свое бессмертие только тогда, когда он поймет, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною.

– Как это – волна?

– Неверующие люди думают, что из мертвого вещества выделяется личность, из личности разумное сознание – вершина волны. Поднявшись на вершину, волна (разумное сознание и личность) спускаются туда, откуда они вышли, и уничтожаются. Человек вырос, созрел, умер, и после смерти для него ничего уже быть не может. То, что после него и от него осталось: или потомство, или даже его дела, – не может удовлетворять его. Он жалеет себя, боится прекращения своей жизни. В то же, что эта его жизнь, которая началась здесь на земле, в его теле, и здесь же кончилась, что эта жизнь его самого опять воскреснет, он не может верить.

И вновь созвучие мысли Толстого с Пьером Тейяром де Шарденом: «Мы чувствуем, что через нас проходит волна, которая образовалась не в нас самих. Она пришла к нам из-

далека, одновременно со светом первых звезд. Она добралась до нас, сотворив все на своем пути. Дух поисков и завоеваний — это постоянная душа эволюции».

– Жизнь человека неотделима от жизни Вселенной?

– Жизнь мгновения и жизнь тысячи лет, жизнь человека и жизни всех, видимых и невидимых, существ мира равны. Мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему.

– Это соответствие означает самопожертвование?

– Есть два предела: один тот, чтобы отдать свою жизнь за других людей; второй тот, чтобы жить, не изменяя условий своей жизни. Между этими пределами находятся все люди: одни на степени учеников Христа, оставивших все и пошедших за ним, другие на степени богатого юноши, тотчас же отвернувшегося и ушедшего, когда ему было сказано об изменении жизни.

– Существует ли обратный процесс – не включать себя в человечество, а распространять свое «я» на других?

– Человек склонен распространять свое «я» на окружающих, с которыми он связан теми или иными связями. Например, Василий Позднышев рассказывал: «Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над ее телом, как будто это было *мое тело*, и вместе с тем чувствовал, что владеть я этим телом не могу, что оно не мое, и что она может распоряжаться им как хочет, а хочет распо-

рядиться им не так, как я хочу».

Трагедия отторжения чужой личности, воспринимаемой как часть своей, сопровождалась бурной эмоциональной реакцией, приведшей Позднышева к убийству жены. Кстати, нигде в повести Позднышев не называет жену по имени. Даже слуга имеет имя, все имеют: дети, знакомые. Но имени жены нет. Она — часть Позднышева, причем, часть худшая, с его точки зрения, от которой он хотел бы избавиться.

– Так ведет себя животная часть личности?

– Да. Человек имеет свойство не видеть страданий, которые он не хочет видеть. А он не хочет видеть страданий, причиняемых им самим. Его настроение колеблется от удовлетворения потребностей. Например, есть в человеке послеобеденное расположение духа, которое сильнее всяких разумных причин заставляет человека быть довольным собой и считать всех своими друзьями.

– Животная часть личности ориентируется на себя?

– Безусловно. Часто бывало, говоришь с человеком, и вдруг у него делается ласковое, радостное лицо, и он начинает говорить с вами так, что кажется, он сообщит вам нечто самое радостное для вас: оказывается, он говорит о себе.

– То есть, животная часть личности воспринимает мир не совсем адекватно?

– Она и ведет себя так: проявляется в состоянии гнева, алкогольного опьянения и тому подобное. Эти чувства иногда даже приносят удовольствие.

В рассказе «Люцерн» Толстой так описывает состояние гнева, которое изменяет осознание себя в конкретной ситуации: «Я совсем озлился той кипящей злобой негодования, которую я люблю в себе, возбуждаю даже, когда на меня находит, потому что она успокоительно действует на меня и дает мне хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергию и силу всех физических и моральных способностей».

В исповеди Позднышева Толстой утверждает, что даже если осознание имеется, рассудок может быть отключен: «Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, — это вздор, неправда. Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить. Чем сильнее я разводил сам в себе пары своего бешенства, тем ярче разгорался во мне свет сознания, при котором я знал, что я делаю».

– Для животной части личности нет сложных переживаний?

– Она действует, исходя из представления о собственном благе, чем бы ни заканчивались ее действия. Человеку кажется, что он хочет добра другому, но на самом деле им дви-

жет неосознанное стремление причинить боль.

– Может быть, он боится принять себя таким, каков он есть?

– Страх, вызванный невозможностью и нежеланием брать ответственность за свои действия, заставляет человека прятаться за стеной различных ухищрений. Например, Иван Ильич Головин сначала надеялся освободиться от неприятности семейного положения тем самым легким и приличным отношением к жизни, которое выручало его прежде. Он пробовал игнорировать расположение духа жены, продолжал жить по-прежнему легко и приятно: приглашал к себе друзей составлять партию, иногда сам уезжал в клуб или к приятелям. Но жена начала ругать его грубыми словами и упорно продолжала ругать всякий раз, когда он не исполнял ее требований. Очевидно, она твердо решила не переставать до тех пор, пока он не покорится, то есть не будет сидеть дома и не будет так же, как и она, тосковать. Иван Ильич ужаснулся. Он понял, что супружеская жизнь – по крайней мере, с его женой – не содействует всегда приятностям и приличию жизни, а, напротив, часто нарушает их, и что поэтому необходимо оградить себя от этих нарушений. И Иван Ильич стал отыскивать средства для этого. Служба было одно, что импонировало Прасковье Федоровне, и Иван Ильич посредством службы и вытекающих из нее обязанностей стал бороться с женой, выгораживая свой независимый мир.

– Он жил по инерции?

– Инерция – явление негативное, потому что она не дает возможности для развития личности. Например, Никита Серпуховский промотал в жизни состояние в два миллиона и остался должен сто двадцать тысяч. От такого куса всегда остается размах жизни, дающий кредит и возможность почти роскошно прожить еще лет десять. Лет десять прошли, размах кончился, и Никите стало грустно жить. Он начинал уже попивать, то есть хмелеть от вина, чего прежде с ним не бывало. Пить же, собственно, он никогда не начал и не кончал. Более всего его падение было заметно в беспокойстве взгляда (глаза его начинали бегать) и нетвердости интонаций и движений. Это беспокойство поражало тем, что оно недавно пришло к нему. Он привык всю жизнь никого не бояться, и теперь дошел тяжелыми страданиями до этого страха, столь несвойственного его натуре.

Анализируя причудливость восприятия людьми своей и чужой жизни, Толстой обращается к словам американского экономиста и публициста Генри Джорджа: «В почве и солнечном свете, в растительном и животном царствах, в рудных месторождениях и силах природы, которыми мы только еще начинаем пользоваться, заключаются неисчерпаемые богатства, из которых люди, руководимые разумом, могли бы удовлетворять все свои материальные потребности. В природе нет причин для бедности — даже для бедности горбатого или дряхлого. Ибо человек по природе

*своей — общественное животное, и если бы не было оскоти-
нивающего влияния хронической нищеты, то семейная лю-
бовь и общественное сострадание доставляли бы все необ-
ходимое для тех, которые сами не в силах содержать себя».*

Беседа 3. Зло делается легко и незаметно

– Каждому человеку в определенные моменты своей жизни приходится принимать очень важные решения. И чем более важно решение, тем более трудным является процесс его принятия. Как тут не ошибиться?

– Все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей. В том, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, состоит одно из главных различий людей между собою. Одни люди в большинстве случаев пользуются своими мыслями, как умственной игрой, обращаются со своим разумом, как с маховым колесом, с которого снят передаточный ремень, а в поступках своих подчиняются чужим мыслям – обычаю, преданию, закону. Другие же, считая свои мысли главными двигателями всей своей деятельности, почти всегда прислушиваются к требованиям своего разума и подчиняются ему, только изредка, и то после критической оценки, следуя тому, что решено другими.

– Как освободиться от злых мыслей?

– Нет борьбы добра со злом. Зло не борется, оно исподволь забирает. Описание борьбы добра со злом в человеке, покушающемся или только что сделавшем дурной посту-

пок, всегда казалось мне неестественным. Зло делается легко и незаметно, и только гораздо позже человек ужасается и удивляется тому, что он сделал. А чтобы было добро, необходимо самоотречение.

– Но ведь нельзя же быть одному хорошему среди плохих?

– Почему одному? Люди разные, но все должны иметь один нравственный ориентир – Бога. Просто не нужно делать того, что сделал тот же Валаам, когда, соблазнившись дарами, пошел к царю противно повелению Бога, что было ясно даже ослице, на которой он ехал, но не видно было ему, когда корысть и тщеславие ослепили его.

– Бог хранит человека от зла?

– Без Бога сохранить себя от зла невозможно. Трудно человеку развить из самого себя хорошее под влиянием одного только дурного. Пускай не было бы хорошего влияния, но если бы не было и дурного, то тогда бы в каждом существе дух взял бы верх над материей. Но дух развивается различно. С одной стороны, развитие его в каждом существе отдельно составляет часть всеобщего развития. С другой стороны, упадок его в отдельных существах усиливает его развитие.

Возможно, как добро, так и зло, сообщаясь другому человеку, имеет тенденцию либо усиливаться в зависимости от того, что преобладает в человеке: созидание или разрушение. Получив дополнительное «вливание», человек испытывает потребность действовать в соответствии с ним.

Действие, в свою очередь, не ослабляет напряжения, а прокладывает дорожку к аналогичным поступкам, особенно если какой-либо из них ранее был подкреплён или разрешён (например, Степан из рассказа «Фальшивый купон» вначале расстрелял солдата, а потом стал грабителем и убийцей).

– Какую роль играет честность в очищении души от зла?

– Должно быть неукоснительное соблюдение честности. Это сложно. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость.

Зло направлено на сжатие индивида до единичного уровня, добро направлено на расширение — до уровня всеобщего. В зависимости от того, сжатие или расширение преобладает — забирает зло или побеждает добро. Говорят, с темнотой нельзя бороться, но достаточно включить свет. Толстой идет в противоположном направлении, призывая очистить свет от темноты.

Отчего идут эти тенденции сжатия или расширения? Здесь играют роль окружающая среда, которая оттягивает изменение индивидуальной структуры, и индивид, изменяющий структуру окружающей среды. Это направление движения определяется силой. Сила дается верой. Веру укрепляет Бог.

В каждой структуре есть свой индивидуальный цикл сжатия-расширения. Маятник одних раскачивается сильно, маятник других — слабо, или практически уравновешен в соответствии с их представлениями о жизни и уровне страстности, который увеличивается по мере усиления жизни личностной и отхода от жизни разумной.

Когда человек попадает в группу, ритм жизни или условия которой не совпадают с теми, к которым он привык, он испытывает удивление, граничащее с шоком. Это удивление вызывает разбалансировку его индивидуальной системы, и какое-то время организм живет, не управляясь рассудком, в результате чего наступает просветление как состояние отчетливого знания, озарения, освещающего перспективы развития человека. Затем налаживается новый ритм жизни, который, как правило, отличается от прежнего. Что-то в индивиде отмирает, а оставшееся быстро заполняет пустоту и интенсивно развивается далее.

– Понятно, что предназначение человека – жить честно и нести людям добро. Как он сможет реализовать это предназначение?

– Вопрос о сущности человека и его назначении является центральным и в философии, и в обыденной жизни. Исходное положение: человек существует в той мере, в которой он обладает желанием.

– То есть, потребностями?

– То, что называют потребностями, есть условия животного существования человека, которые можно сравнить с бесчисленными раздувающимися шариками, из которых бы было составлено какое-нибудь тело. Все шарики равны одни с другими и имеют себе место и не стеснены, пока они не раздуваются. Все потребности равны и не ощущаются болезненно, пока они не признаны.

Но стоит начать раздувать шарик, и он может быть раздут так, что займет больше места, чем все остальные, стеснит другие, и сам будет стеснен.

– Изучив потребности человека, мы можем подсказать ему правильное направление его развития?

– Нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни. К тому же прежде чем говорить о благе удовлетворения потребностей, надо решить, какие потребности составляют благо. Это очень важно.

– Психология пытается ответить на этот вопрос.

– Я не удовлетворен подходом психологии к определению потребностей. Если спросишь: «Что называется потребностью и где пределы потребностей?» – то на это также просто отвечают: «Наука – на то наука, чтобы распределять потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны, и какие и в какой мере незаконны. Она со временем определит это». Если же спросить: «Чем руководство-

ваться в определении законности и незаконности потребностей?» – то на это смело отвечают: «Изучением потребностей». Но слово потребность имеет только два значения. Во-первых, это условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены. Во-вторых, требование блага живым существам, познаваемое и определяемое только сознанием, и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Часто человек пытается рационализировать свои эгоистические потребности, например, потребность во власти, придавая им значимый в обществе смысл и подчеркивая свою скромность в выполнении этой важнейшей, с их точки зрения, индивидуальной миссии. В романе «Воскресение» Толстой писал: «На всех присяжных был, — несмотря на то, что многих это оторвало от дела, и что они говорили, что тяготятся этим, — на всех был отпечаток некоторого удовольствия от сознания совершения общественно-важного дела».

– Вы говорили, что только Бог знает основную задачу развития человека и человечества. Но у всех ли людей есть потребность в вере?

– Есть у всех, но кто-то ее осознает, а кто-то – нет. Например, Иван Петрович, герой повести «Декабристы», стоя

в алтаре, где он обыкновенно стаивал, более размышлял, чем молился, и был за то недоволен собою. Он, как и многие люди того времени, да и всех времен, чувствовал себя в неясности относительно веры. Ему было уже за пятьдесят два года, он никогда не пропускал исполнения обрядов, посещения церкви и говения раз в году; он, говоря со своей единственной дочерью, наставлял ее в правилах веры; но если бы его спросили, точно ли он верит, он бы не знал, что ответить.

– Как развить правильные потребности у подрастающего поколения?

– Потребности необходимо воспитывать. Чем моложе человек, тем меньше он верит в добро, несмотря на то, что он легковвернее на зло. Например, есть два средства не чувствовать материальной нужды: одно – умерять свои потребности, другое – увеличивать доход. Первое само по себе всегда нравственно, второе само по себе всегда безнравственно: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

– Что бы вы посоветовали воспитывающим взрослым?

– Помнить, что одна из настоятельнейших потребностей человека, равная, даже более настоятельная, чем еда, питье, похоть, и про существование которой мы часто забываем, это потребность проявить себя – знать, что это сделал я. Много поступков объясняется этой потребностью. Надо помнить ее и при воспитании, и имея дело с людьми. Главное, надо стараться, чтобы это была деятельность, а не хвастовство.

– Когда можно считать потребность сформированной?

– Когда она превратится в привычку.

Своего сына Мишу Толстой предостерегал: «Опасность эта состоит в том, что в том возрасте, когда складываются привычки, которые останутся навсегда, как складки на бумаге, вы живете без всякой, без всякой нравственной, религиозной узды, не видя ничего, кроме тех неприятностей учения, к которому вас принуждают, и от которого вы стараетесь так или иначе избавиться, и тех всех самых разнообразных удовлетворений похоти, которые вас привлекают со всех сторон, и которые вы имеете возможность удовлетворять. Такое положение вам кажется совершенно естественным и не может казаться иным, и вы никак не виновны, что оно кажется вам таковым, потому что в нем выросли, и в таком же положении находятся ваши товарищи, — но положение это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цель жизни, как она у вас, у молодых людей, когда похоти эти внове и особенно сильны, то непременно, по очень известному и несомненному закону, — выйдет то, что для того, чтобы получать то удовольствие, которое привык получать от удовлетворения похоти: сладкой еды, катанья, игры, нарядов, музыки, надо будет все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, раз уже удовлетворенная, в другой и третий раз не доставляет уже того наслаждения, и надо удовлетворять новые —

более сильные. (Существует даже закон, по которому известно, что наслаждение увеличивается в арифметической прогрессии, тогда как средства для произведения этого наслаждения должны быть увеличены в квадратах)».

– Но привычки бывают разными, например, у многих есть привычка ждать чего-то от будущего.

– Ничто столько не препятствует истинному счастью (состоящему в добродетельной жизни), как привычка ждать чего-то от будущего. Для истинного счастья будущее ничего не может дать, а все дает прошедшее.

Жизнь индивида — последовательность изменений, которая осознается в каждый отдельный момент. И в этот момент человеком что-то движет, причем, это движение направляется извне и изнутри. Но и это извне и изнутри бывает разное, в зависимости от того, каким типом жизни живет человек. Если он живет жизнью личностной, то внешний ориентир и контроль — общество, в котором он живет, а внутренний — потребности, значительную долю из которых занимают страсти, стремление к наслаждению и избеганию страданий. Человек, ориентирующий себя на такой способ жизни, и ведущий такую жизнь, в принципе несчастен. Счастье посещает его в короткие промежутки наслаждения, когда он удовлетворяет потребности, как материальные, так и социальные. Но он сам ста-

вит себе препятствия к своему развитию, ибо оно дискретно: от наслаждения к страданию. Это проявляется в тоске о наслаждении былом и мечте о наслаждении будущем. Что же касается настоящей жизни, жизни «здесь и теперь», то человек иногда осознанно (как Стива Облонский), иногда неосознанно (как Алексей Каренин) «глушит» себя каким-либо видом деятельности, чтобы избежать беспокойства от неудовлетворенных экзистенциальных потребностей.

– Что такое счастье?

– Нельзя определить однозначно. Счастье человека, живущего разумной жизнью, отличается от счастья человека, живущего жизнью общественной или животной. Есть счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных. Первое происходит от добродетели, второе от судьбы. Нужно, чтобы добродетель глубоко пустила корни, чтобы второе не имело вредное влияние на первое. Счастье, основанное на тщеславии, разрушается им же: слава – злоречием, богатство – обманом, но основанное на добродетели счастье не разрушается ничем. Человек, живущий для себя и для своих страстей, какая бы у него ни была красавица жена, и как бы он ни был знатен, богат, не может быть счастлив, потому что счастье и раскаяние несовместимы. Впрочем, иногда счастье – это отсутствие двух действительных несчастий – болезни и угрызений совести.

– Как стать счастливым?

– Мы стремимся к счастью как к благу. Говорим себе: я только в таком случае мог бы достигнуть блага, быть счастливым, если бы все другие существа любили меня более, чем они любят самих себя. Это вещь невозможная. Но, несмотря на это, вся наша деятельность, наше стремление к богатству, к славе, к власти, есть не что иное, как попытка заставить других полюбить нас больше, чем они любят самих себя. Богатство, слава, власть дают нам подобие такого порядка вещей, и мы почти довольны. Но это только подобие, а не действительность. Все существа любят самих себя больше, чем они любят нас, и тогда счастье невозможно. Есть люди (и число их увеличивается со дня на день), которые, не будучи в состоянии разрешить это затруднение, застреливаются, говоря, что жизнь есть только один обман. И, однако, решение задачи более чем просто и навязывается само собой. Я только тогда могу быть счастлив, когда в этом мире будет существовать такое устройство, что все существа будут любить других больше, чем самих себя. Весь мир был бы счастлив, если бы все существа не любили бы самих себя, а любили бы других. Я существо человеческое, и разум открывает мне закон счастья всех существ: я должен любить других более чем я люблю самого себя.

– Как найти свое счастье?

– Когда я искал счастья, я впадал в пороки. Когда я понял, что достаточно в этой жизни быть только не несчастным, то

меньше стало порочных искушений на моем пути. Я убежден, что можно быть добродетельным и не несчастливym... Когда я искал удовольствия, оно бежало от меня, а я впадал в тяжелое положение скуки – состояние, из которого можно перейти ко всему – хорошему и дурному. Скорее к последнему. Теперь, когда я только стараюсь избегать скуки, я во всем нахожу удовольствие.

– От чего зависит счастье?

– Раз мне пришла мысль, что счастье зависит не от внешних причин, а от нашего отношения к ним. Человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив. Я попытался приучить себя к труду, а также, несмотря на страшную боль, держал по пять минут в вытянутых руках лексикона Татищева или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах.

– Радикально. И помогло?

– Понял, что счастье неотделимо от несчастья.

– То есть, чтобы быть счастливым, нужно страдать?

– Страдание – это напоминание о невыполненном долге перед Богом и людьми. Главная причина этих страданий та, что ожидается то, чего не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает. И поэтому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его. Если ждешь всего того, что описано в начале 1001 ночи: пьянства, вони, отвратительных болез-

ней, – то упрямство, нерадивость, пьянство даже можно не то что простить, а не страдать и радоваться, что нет того, что могло бы быть. И тогда все доброе ценится.

– Не в этом ли главное средство для счастья вообще? Не оттого ли люди так часто несчастны, особенно богатые?

– Вместо того чтобы сознавать себя в положении раба, который должен трудиться для себя и для других и трудиться так, как этого хочет хозяин, богатые люди воображают себе, что их ждут всякого рода наслаждения.

– И в чем тогда их проблема?

– В том, что и труд, и препятствия, и болезни, то есть необходимые условия жизни, им представляются неожиданными страшными бедствиями. Бедные поэтому бывают менее несчастны: они вперед знают, что им предстоит труд, борьба, препятствия, и потому ценят все, что дает им радость. Богатые же, ожидая только радостей, во всех препятствиях видят бедствия и не замечают и не ценят тех благ, которыми пользуются. Блаженны нищие, ибо они утешатся, голодные – они насытятся, и горе вам, богатые.

– В этом отношении счастье и несчастье зависят от активных действий, причиняющих добро или зло окружающим, себе и всему человечеству?

– Несчастен не тот, кому делают больно, а тот, кто хочет сделать больно другому. И наоборот, если человек искренне возмущен, несчастлив, все время наталкивается на возмутительные вещи, то ему нужно сделать один из двух выборов.

Первый – сложный: если душа не слаба, действуй и исправь, что тебя возмущает, или сам разбейся. Второй гораздо легче, и ему я намерен держаться: умышленно ищи всего хорошего, доброго, отворачивайся от дурного. Право, не притворяясь, можно многое любить не только в России, но и у самоедов.

– Понятно. Допустим, я хочу искать всего хорошего и не отворачиваться от доброго. Но как я могу не реагировать на плохое?

– Старайтесь. В счастье нужно верить, тогда оно будет если не все время с тобой, то, по крайней мере, часто будет сопровождать тебя. Иначе оно может и отвернуться. Например, Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье. Затевая что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему. Так это было, за редкими исключениями, во все продолжение его бурной военной жизни.

– Каждый человек «ведет» свое чувство и в результате оказывается ответственным за свое счастье или несчастье. Существуют ли пределы в направлении этого движения?

– Да, и это подтверждают законы диалектики. Заметили ли вы, что в наше время в мире русской поэзии есть связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода – музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода – музыки, живописи и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя поэтическая

волна была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и вот она ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, Бог даст. А пушкинский период умер совсем, сошел на нет.

— Как проявляется эта тенденция в жизни отдельного человека?

— Через борьбу желаний — для себя и для других.

Например, в давке на Ходынке молодую княжну спас бедный человек, Емельян, который очень хотел разбогатеть, хотел получить выигранный билет (их, по слухам должны будут раздавать вместе с подарками в честь коронации Николая II). Волей случая таким билетом оказалось для него спасение княжны. Однако ситуация разворачивалась совсем иным образом.

« — Да вот он спас меня, — говорила Рина. — Если бы не он, не знаю, что бы было. Как вас зовут? — обратилась она к Емельяну.

— Меня-то? Что меня звать?

— Княжна ведь она, — подсказала ему одна из женщин, — бога-а-атая.

И вдруг у Емельяна на душе что-то поднялось такое сильное, что не променял бы на двухсоттысячный выигрыш.

— Чего еще. Нет, барышня, ступайте себе. Чего еще благодарить.

— Да нет же, я не буду спокойна.

– Прощай, барышня, с Богом. Только пальто мое не увези.

И он улыбнулся такой белозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала как утешение в самые тяжёлые минуты своей жизни.

И такое же ещё большее радостное чувство, выносящее его из этой жизни, испытывал Емельян, когда вспоминал Ходынку, и эту барышню, и последний разговор с нею».

– Может ли индивидуальный мотив полностью заменить общечеловеческим?

– Полностью, конечно, нет. Но с возрастом многие желания уходят. Наверное, именно это чувствовал старец Федор Кузьмич.

«Прежде всего, я думал, что человек не может не желать. Я всегда желал и желаю. Желал прежде победы над Наполеоном, желал умиротворения Европы, желал освобождения себя от короны, и все желания мои или исполнялись и, когда исполнялись, переставали влечь меня к себе, или делались неисполнимы, и я переставал желать. Но пока эти желания исполнялись, или становились неисполнимыми прежние желания, зарождались новые, и так шло и идет до конца. Теперь я желал зимы, она настала, желал уединения, почти достиг этого, теперь желаю описать свою жизнь и сделать это наилучшим образом, так, чтобы принести пользу людям. И если исполнятся и если не ис-

полняются, явятся новые желания. Вся жизнь в этом. И мне пришло в голову, что если вся жизнь в зарождении желаний и радость жизни в исполнении их, то нет ли такого желания, которое свойственно бы было человеку, всякому человеку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорее, приближалось бы так для человека, который желал бы смерти. Вся жизнь его была бы приближением к исполнению этого желания; и желание это, наверное, исполнилось бы. Сначала это мне показалось странным. Но, вдумавшись, я вдруг увидел, что это так и есть, что в этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека. Желание не в смерти, не в самой смерти, а в том движении жизни, которое ведет к смерти. Движение же это есть освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала, которое живет в каждом человеке. Я чувствую это теперь, освободившись от большей части того, что скрывало от меня сущность моей души, ее единство с Богом, скрывало от меня Бога».

– Когда человек наиболее эгоистичен?

– Когда влюблен. Например, мой сын Илья, когда собрался жениться на Философовой (славной, простой, здоровой, чистой девушке), находился в том невменяемом состоянии, в котором находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась, и вся в будущем.

– Такой эгоизм – явление преходящее? Ведь сильная любовь, как и любое сильное чувство, порождает стресс, с ко-

торым начинает бороться уже организм человека, сменяя его приступами раздражения, апатии или тоски. Ведь если человека любят за то, что он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, то в какой-то момент объект любви не может вместить в себя все чувство, которое на него обрушивается?

– Если человек живет для других, то любовь распространяется на всех. Если он живет для себя, то его чувство ужато до одного человека, имеющего в данный момент высшую, хотя, может быть, и случайную, ценность. В первом случае он может «отпустить», распространить излишки любви на окружающих. Так поступила моя тетушка Татьяна Александровна Ергольская. Лучшее средство к истинному счастью в жизни – это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда все, что попало: и старушку, и ребенка, и женщину, и квартального. Если же человек не хочет этого распространения, то любовь его поглотит, сделает несчастным.

Очень часто у Толстого состояние любви к какому-либо человеку предвосхищается состоянием готовности к любви, без которого настоящей любви не получается. Для того чтобы войти в состояние готовности, герои Толстого вначале чувствуют унижение, растерянность, связанные или с потерей (Маша из «Семейного счастья»), или с неудовлетворенностью жизни (Оленин из «Казачков»), или тяжелой

болезнью в преддверии смерти (Николай Левин из «Анны Карениной»).

Чувство же личностное начинается с обычного, ни к чему не обязывающего увлечения (Вронский из «Анны Карениной»), необходимости обзавестись семьей (Позднышев из «Крейцеровой сонаты»). Юный Нехлюдов влюблен в Катюшу Маслову: «Услыхав ее шаги, Нехлюдов, тихо ступая и сдерживая дыхание, как будто собираясь на преступление, вошел к ней... На минуту он остановился. Тут еще была возможность борьбы. Хоть слабо, но еще слышен был голос истинной любви к ней, который говорил ему о ней, о ее чувствах, об ее жизни. Другой же голос говорил: смотри, пропустишь свое наслаждение, свое счастье. И этот второй голос заглушил первый. Он решительно подошел к ней. И страшное, неудержимое животное чувство овладело им».

– Мы часто видим, что многие поступки определяются случайными событиями.

– Бывает. Допустим, человек готовится поступить в университет. Он может делать это из любви к математике, а может и потому, что слова: синусы, тангенсы, дифференциалы, интегралы и так далее – чрезвычайно нравятся ему. Иногда человек поступает так, как ожидают от него другие. Например, Душечка у Чехова (я ею восхищен) – настоящая женщина. Она живет жизнью мужа.

– Получается, что человек может принять случайные ре-

шения.

– Они не совсем случайны. К ним есть предрасположенность, которую человек вначале не осознает, а потом уже начинает обдумывать. Например, Нехлюдов, собираясь жениться, размышлял, что в пользу женитьбы было, во-первых, то, что женитьба давала приятности домашнего очага, устраняла неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни. Во-вторых, и это было главным, Нехлюдов надеялся, что семья, дети, дадут смысл его бессодержательной жизни. Против женитьбы были, во-первых, общий всем немолодым холостякам страх за лишение свободы и, во-вторых, бессознательный страх перед таинственным существом женщины.

– Человек имеет потребность придавать своим поступкам смысл?

– Не путайте смысл жизни и цель. Иногда человек стремится к тому, что не является смыслом его жизни. Однажды в деревне я встретил вдову. Она попросила меня войти и взглянуть на телку. Я вошел. В сенях, точно, стоит телка. Вдова попросила взглянуть на нее. Я посмотрел на телку и увидел, что вся жизнь вдовы так сосредоточена на телке, что она не может себе представить, чтобы мне могло быть неинтересно смотреть на телку.

Найти смысл человеческой жизни — проблема чрезвычайно сложная, на решение которой может уйти жизнь.

Все это может сопровождаться сильнейшими переживаниями (Константин Левин, Пьер Безухов, Андрей Болконский, отец Сергей и т. д.). Но основная трудность здесь не в том, что личность не может определить смысл своей жизни, а в том, что личность не в силах охватить задач всего человечества. Поэтому человеку трудно осознать свою миссию, ибо первопричины существования скрыты от него, так как они находятся вне человечества, в Боге.

Иногда даже смерть определяет смысл жизни. Человек умирает, чтобы очистить душу другого, любящего его. Так было с Ванечкой, любимым сыном Толстого, так было с Андреем Болконским. Однако на Вронского смерть Анны подействовала иначе: он не смог преодолеть горя сам. Будучи продуктом общества, в котором он жил, он был спасен этим обществом, хотя мы можем догадываться на основании отдельных его высказываний, что он в боях Балканской войны будет искать смерти. Но по другим произведениям Толстого мы знаем, что таким людям часто предоставляется шанс, перестрадав, понять истину.

– Когда человек начинает задумываться о цели в жизни?

– Задать себе цель никак нельзя. Это я пробовал сколько раз, и не выходило. Надо не выдумывать ее, а найти такую, которая бы была сообразна с наклонностями человека. Такую, которая бы и прежде существовала, но которую он только бы сознал. Такого рода цель я нашел в юности: все-

стороннее образование и развитие всех способностей. Как одно из главных средств к достижению этого я выбрал дневник и франклиновский журнал.

Проблемы смысла и цели в жизни возникают у человека довольно рано, но стремлением решить их обладают далеко не все. И еще реже встречаются люди, способные правильно поставить вопрос, прежде чем его решить. Но даже если предположить, что и вопрос был поставлен верно, и что цели определены правильно, это не означает, что человек не может заблуждаться относительно средств их достижения. Несоответствие между формой, заданной основной целью, и формой, избранной самим человеком, преследовало Толстого всю жизнь. Очень ярко это несоответствие было выражено в раннем его произведении — «Истории вчерашнего дня».

– Все ли люди должны искать смысл жизни?

– Нет. Поиски не всегда приводит к ожидаемому результату. На одном полюсе таких размышлений – полное отрицание смысла жизни (Шопенгауэр, Гартман, Ницше), на другой – наличие высшего смысла (Евангелие, учения философов Востока). Отдельные представители человечества колеблются между этими полюсами.

– Что может подтолкнуть к правильному пониманию смысла жизни?

– Переосмысление многих привычных ориентиров, например, религиозных. В душе семнадцатилетнего юноши может совершиться изменивший все его отношение к окружающему переворот. Ему вдруг откроется совершенно новая для него вера, разрушившая все то, во что он прежде верил, откроется мир здравого смысла. Поразит его не то, что поражает многих людей из народа, когда для них открывается область науки – величие мира, расстояния, массы звезд, но не глубина исследования и остроумных догадок. Поразит больше всего здравый смысл, признаваемый обязательным для всякого познания. Поразит то, что надо верить не тому, что старики сказывают, даже не тому, что говорит поп, ни даже тому, что написано в каких бы то ни было книгах, а тому, что говорит разум. Это будет открытие, которое изменит все его мировоззрение, а потом и всю его жизнь.

– То есть, человек может не искать смысл, не понимать его, а жить в соответствии с ним. Герои ваших книг восхищаются цельностью представителей народа, не определяющих смысл своей жизни, но чувствующих его.

– Это другой подход к жизни – не общественной, а роевой. Если же человек выходит из этого «роя», начиная свой путь, он должен искать высший смысл его жизни, который определен Богом.

Человек может жить для общества или в соответствии с Богом. Почему же Толстой так клеймит первых и превоз-

носит вторых? Типичные представители первого и второго направлений — Алексей Каренин и отец Сергей.

Каренин работал на благо общества, или, по крайней мере, считал, что работал. Возможно, это один из вариантов введения себя в заблуждение. Но, наряду с решением псевдообщественных, а иногда даже эгоистических проблем (как было в случае с иноверцами), в нем просыпается искра божия. И она разгорается тем сильнее, чем быстрее падает авторитет Каренина как государственного человека. Враги, желая раздавить его, открыли ему новый путь — путь спасения души, на который он окончательно ступил, забрав у Вронского никому не нужную Анечку — дочь Анны.

Отец Сергей, бывший лихой офицер с непомерной гордыней, не выдержав общественного презрения как будущий муж царской фаворитки, уходит в монастырь. Но и там он, усиленно служа Богу, на самом деле губит душу. Он служит не искренне, а чтобы доказать самому себе и окружающим свою святость. Но этот мотив от него скрыт. Он испытывает сильнейшее искушение, а потом к нему приходит просветление. Он ясно понял, как ему жить, и с кого брать пример.

По характеру и темпераменту эти люди различны. Резкий, подвижный Сергей и флегматичный, спокойный Каренин. Кстати, есть один вид темперамента, особенно не уважаемый Толстым — сангвинический (хотя своего отца он тоже описывал как сангвиника). В устах Толстого «сангви-

ник» означает «пустой мальй», несерьезный, самовлюбленный, во всем себе потакающий. Например, Стива Облонский, который быстро забыл погибшую сестру и ту роль, которую сыграл в этом Вронский. Не простил, а забыл. Вронского Толстой тоже не вполне уважает, хотя и признает, что ему выпало тяжкое испытание, из которого, как из центра перекрестка, он может направиться куда угодно или вообще расстаться с жизнью. Вронский остается наедине с его проблемами, хотя догадывается, что самостоятельно справиться с ними он вряд ли сможет.

Беседа 4. Остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы

– Вы писали, что нельзя жить без идеала. Что такое идеал?

– Идеал можно сравнить с фонарем, освещающим людям путь в темноте. Свет фонаря освещает дорогу, но «догнать» его люди не могут, ибо он всегда впереди. Для жизни необходим идеал. А идеал – только тогда идеал, когда он *совершенство*. Направление только тогда может быть указано, когда оно указывается математически, не существующей в действительности прямой.

– Но вы также утверждали, что чувства правды, красоты и добра независимы от степени развития. И что мы видим свой идеал впереди, когда он стоит сзади нас. Я совсем запуталась.

– Путаница происходит оттого, что люди хотят пережитое поставить опять идеалом. А идеал есть гармония. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, добра и красоты, а затем жизнь его идет так, что каждый шаг и каждый час грозит этой гармонии нарушением и не дает надежды восстановления нарушенной гармонии.

– Как же его тогда можно достичь?

– Самая большая ошибка в том, чтобы думать, что узнав

путь к идеалу, вы можете достигнуть его. Если бы идеал был достижим, он бы не был идеал, и если бы люди достигли его, жизнь бы кончилась. Идеал всегда недостижим, но из этого не следует, что надо махнуть на него рукой и не следовать ему. Надо все силы прилагать на все большее и большее приближение к нему.

– Тогда остается ли идеал постоянным в течение жизни человека?

– Он не остается неизменным. Изменяются обстоятельства жизни, меняются нравственные ориентиры – корректируются представления об идеале. В противном случае он перестает «работать», вдохновлять людей на достижение высоких целей. Но опасно путать вечные идеалы и идеалы устаревшие. Опасность эта особенно велика именно в наше время, когда старые правила жизни, старые идеалы жизни разрушены для большинства людей, а новые правила и новые идеалы не только не признаются общественным мнением, но, напротив, выставляются чем-то смешным и даже вредным.

– А как вы чувствовали это изменение?

– Я, как очень увлекающийся человек, прошел в моей юности через постепенный ход удовлетворения похоти. Но у меня, как и у всех молодых людей нашего времени, были очень определенные правила и идеалы. Правила были очень глупые, аристократические, но они сдерживали меня. Для меня, например, мысль о том, чтобы пить с мужиками

и кучерами водку или перед людьми выказать свое пристрастие к крестьянской девушке, было так же невозможно, как украсть или убить. Идеалы же жизни были такие, при которых я должен был продолжать жизнь, которую вели отец и дед, то есть составить себе видное и уважаемое общественное положение. Для этого я должен быть утонченно образован, как они, и так же мнимо благороден. Идеалы теперь кажутся мне дикими, но они были во мне так тверды, что удерживали меня от многого и отвлекали от всего того, что мешало достижению их.

– Разве сложно принять идеалы, способствующие развитию личности?

– А вы как думаете? Положение очень многих молодых людей страшно именно потому, что они не признают никаких ни правил, ни идеалов. И потому, как на рельсах, они катятся под крутую горку похотей и неизбежно вкатываются в вечно одно и то же болото, из которого почти нет выхода, – женщины и вино. Спасение от такого положения есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти в себе идеалы, то есть то, чем хочешь быть.

– Это сложно. Проще подчиниться требованиям общества, потому что сразу увидишь, как люди тебя оценивают.

– В соответствии со своими идеалами человек и оценивает людей – соответствуют те их идеалам или нет, и в какой степени. Многие так называемые «светские молодые люди» рассуждают как Николай Иртенев.

«Род человеческий можно разделять на множество отделов — на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *сотте il faut* и на *сотте il ne faut pas*³. Второй род подразделялся еще на людей собственно не *сотте il faut* и простой народ. Людей *сотте il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое *сотте il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. Второе условие *сотте il faut* были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки».

– Странное представление.

³ Порядочных и непорядочных.

– Странно то, что ему, имевшему положительную неспособность к *comme il faut*, до такой степени привилось это понятие. А может быть, именно оно так сильно вросло в него оттого, что ему стоило огромного труда, чтобы приобрести это *comme il faut*. Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе. Человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*. Достигнув этого положения, он уж исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей.

– А как же тогда ему следовать требованиям общества?

– Должен быть тот здравый смысл посредственности, который показывал ему, что было должно.

– Как влияет литература на формирование идеалов?

– По-разному. Например, для Николая Иртеньева чтение французских романов, которых много привез с собой Володя, было частым занятием. Все самые неестественные лица и события были для него так же живы, как действительность. Он не только не смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для него, а из печатной книги сами собой являлись перед ним живые, действительные люди и события. Если он нигде не встречал лиц, похожих на те, про которых читал, то ни секунды не сомневался в том, что они *будут*. Он находил в себе все описываемые страсти и сходство со всеми характерами, и с героями, и со злодеями каждого романа, как мнительный человек находит в себе признаки всех

возможных болезней, читая медицинскую книгу. Но книги должны учить, как правильно жить.

– Что можно считать антиидеалом?

– Праздность. Библейское предание говорит, что отсутствие труда – праздность – было условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшем человеке, но проклятие все тяготеет над человеком. И не только потому, что мы в поте лица должны снискивать хлеб свой, но потому, что по нравственным свойствам своим мы не можем быть праздны и спокойны. Тайный голос говорит, что мы должны быть виновны за то, что праздны. Если бы мог человек найти состояние, в котором бы он, будучи праздным, чувствовал бы себя полезным и исполняющим свой долг, он бы нашел одну сторону первобытного блаженства. И таким состоянием обязательной и безупречной праздности пользуется целое сословие – сословие военное. В этой-то обязательной и безупречной праздности состояла, и будет состоять, главная привлекательность военной службы.

– Будет ли человек счастлив, следуя идеалу? Мы опять возвращаемся к проблеме счастья.

– Вечная тема. Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым.

– Почему?

– Потому что есть счастье как удовольствие и счастье как добро, благо. Счастье как удовольствие может олицетворять-

ся даже круглым маленьким колечком табачного дыма. Счастье как благо состоит в наслаждении делать добро, и это есть единственное верное счастье жизни.

– А возможно и то, и другое одновременно?

– Возможно, но на короткое время, когда человек бывает на высшей ступени счастья. Тогда он делается вполне добрым и хорош, и не верит в возможность зла, несчастья и горя.

– Связано ли счастье с достижением желаемого?

– Нет. Например, Вронский, несмотря на полное осуществление того, чего он желал так долго, не был вполне счастлив. Он скоро почувствовал, что осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал. Это осуществление показало ему ту вечную ошибку, которую делают люди, представляя себе счастье осуществлением желания. Первое время после того, как он соединился с Анной и надел штатское платье, он почувствовал всю прелесть свободы вообще, которой он не знал прежде, и свободы любви, и был доволен, но недолго. Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска. Независимо от своей воли, он стал хвататься за каждый мимолетный каприз, принимая его за желание и цель. Шестнадцать часов дня надо было занять чем-нибудь, так как они жили за границей на совершенной свободе, вне того круга условий общественной жизни, который занимал время в Петербурге!

– Может быть, это связано с отсутствием четких правил

в жизни?

– У Вронского был четкий свод правил, определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти определяли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, что обманывать нельзя никого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорблений, и можно оскорблять и так далее. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову.

– Мечты о будущем и их воплощение различаются?

– Разумеется. Например, когда Левин был женат третий месяц, он был счастлив, но совсем не так, как ожидал. На каждом шагу он находил разочарование в прежних мечтах и новое неожиданное очарование. Левин был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал. На каждом шагу он испытывал то, что испытал бы человек, любовавшийся плавным, счастливым ходом лодочки по озеру, после того как он бы сам сел в эту лодочку. Он видел, что мало того, чтобы сидеть ровно, не качаясь, надо еще соображать, ни на минуту не забывая, куда плыть, что под ногами вода и надо грести, и что непривычным рукам больно. Только смотреть на это

легко, а делать это хоть и радостно, но очень трудно.

– Может быть, все просто: не будет несчастий – человек станет счастливым, как говорил князь Андрей?

– Потом этого становится мало. Вначале князь Андрей полагал, что единственно возможное счастье – есть счастье животное. Но когда он простил Наташу, у него появилось новое счастье, и это счастье, как он чувствовал, имело что-то такое общее с Евангелием.

– Есть ли какое-то осязаемое средство стать счастливее в нужный момент?

– Есть. Труд. Например, уже не раз испытал с пользой известное ему средство заглушать свою досаду и все, кажущееся дурным, сделать опять хорошим, Левин употреблял это средство. Когда он посмотрел, как шагала Мишка, ворочая огромные комья земли, налипавшей на каждой ноге, то слез с лошади, взял у Василья севалку и пошел рассеивать.

– Счастье – вне или внутри человека?

– Человек сотворен для счастья, счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей. Все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка. На свете нет ничего страшного. Как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был бы несчастлив и несвободен. Есть граница страданий и граница свободы, и эта граница очень близка. Человек, который страдал от того, что в розовой постели его завернулся один листок, точно так же

страдал, засыпая на голой, сырой земле.

– Возможно ли счастье в браке?

– Сложный вопрос. С одной стороны, любовь мужчины к женщине по преимуществу плотская, и в этом плане она препятствует самосовершенствованию мужчины. С другой стороны, если безбрачие лучше брака, то очевидно, что люди должны делать то, что лучше. Однако если люди сделают это, то род человеческий прекратится, и потому не может быть идеалом рода человеческого уничтожение его.

– Говорят: «Если люди достигнут идеала полного целомудрия, то они уничтожатся, и потому идеал этот не верен».

– Те, которые говорят так, умышленно или неумышленно смешивают разнородные вещи – правило, предписание и идеал. Целомудрие не есть правило или предписание, а идеал – одно из условий его. Идеал только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему – бесконечна. Если бы идеал мог быть достигнут, если бы мы могли представить себе его осуществление, он бы перестал быть идеалом.

– Наверное, весь смысл человеческой жизни заключается в движении по направлению к этому идеалу?

– Стремление к нему во всей его совокупности и к целомудрию, как к одному из условий этого идеала, не только не исключает возможности жизни, но, напротив того, отсут-

ствие этого христианского идеала уничтожило бы движение вперед и, следовательно, возможность жизни.

– Каким образом?

– Как есть два способа указания пути ищущему, указания путешественнику, так есть и два способа нравственного руководства ищущего правды человека. Один способ состоит в том, что человеку указываются предметы, долженствующие встретиться ему, и он направляется по этим предметам.

– А другой?

– Другой способ состоит в том, что человеку дается только направление по компасу, который человек несет с собой и на котором он видит всегда одно неизменное направление и потому всякое свое отклонение от него.

– Как можно проверить исполнение религиозных учений?

– Проверка исполнения внешних религиозных учений есть совпадение поступков с определениями этих учений, и совпадение это возможно. Проверка же исполнения Христова учения есть сознание степени несоответствия с идеальным совершенством.

– И ее можно определить?

– Степень приближения не видна: видно только отклонение от совершенства. Исповедующий закон Христа всегда в положении мытаря. Он всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошел. Он видит всегда впереди себя тот путь, по которому еще надо идти, и который он не прошел еще.

– Отклонение может быть видно только со стороны.

– Для этого нужно нравственное руководство. Во-первых, человеку даются определенные правила, то есть признаки поступков, которые он должен и которых не должен делать. Во-вторых, человеку указывается идеал, по отношению к которому он всегда может видеть степень своего удаления от него.

– Зачем унижать себя по отношению к идеалу?

– Потому что позволив себе принижать идеал по своей слабости, нельзя найти того предела, на котором надо остановиться. На какой бы ступени ни стоял человек, всегда есть для него возможность приближения к этому идеалу. Но никакое положение для него не может быть таким, в котором бы он мог сказать, что достиг его, а потому не мог бы стремиться к еще большему приближению.

14 апреля 1858 года он писал своей тетушке А. А. Толстой: «...воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под который ничто не подходит, все становится не то, и не радуешься и не благодаришь Бога за те блага, которые он дал, а в душе вечное недовольство и грусть. Бросить этот идеал — скажете вы. Нельзя. Это идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни».

Беседа 5. Нельзя в одном месте поднять уровень пруда

– Мне кажется, что мы живем в парадоксальном мире. Чаще всего парадоксы возникают, когда из намерения вытекает совершенно иное поведение, имеющее следствием прямо противоположный результат. Кажется, что ситуация развивается практически без контроля со стороны человека. Неужели чем сильнее человек желает чего-то, тем более вероятен противоположный исход событий?

– Очень часто сильные желания мешают и делу, и общению. Например, мой брат Сергей Николаевич был мне самый близкий (после семьи) человек, но мне с ним часто было тяжело, неловко. Я боялся всякую минуту сделать ему неприятное, и эта боязнь производила на него еще худшее впечатление.

– Вы отрицали однозначное толкование человеческих поступков. Как вы думаете, может ли человек избежать внутренних противоречий?

– Избежать не может, но у разных людей противоречивость выражена по-разному. Я смолоду стал преждевременно анализировать все и немилосердно разрушать. Я часто боялся, думал – у меня ничего не остается целого. Но вот я старею, а у меня целого и невредимого много, больше, чем

у других людей. Орудие ли анализа у меня было крепко, или выбор верен, но уже давно я более не разрушаю. А целыми остались у меня непоколеблены – любовь к одной женщине, дети и всякое отношение к ним, наука, искусство – настоящие, без соображений величия, а с соображением настоящности наивного. Это ужасно много. У моих сверстников, веривших во все, когда я все разрушал, нет и одной сотой того. Но в молодости я был уверен, что несообразность между положением человека и его моральной деятельностью есть вернейший признак истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.